

Ба 147861к

Ба 147861

ба 3337к

А. К. КИРКОРЪ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СОСТАВИЛЪ

Н. ЯНЧУКЪ

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“).

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1888.

А. К. КИРКОРЪ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СОСТАВИЛЪ

Н. ЯНЧУКЪ

(ИЗЪ XII ТОМА „ДРЕВНОСТЕЙ“).

МОСКВА.

Типографія А. П. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1888.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

А. К. КИРКОРЪ.

Н. А. Янчука,

Члена-Корреспондента Общества.

Въ лицѣ недавно скончавшагося Адама-Гонорія Карловича Киркора археологическая и историческая наука потеряла одного изъ своихъ самыхъ безкорыстныхъ служителей и поборниковъ. Печальны и прискорбны такія потери вообще, гдѣ бы онѣ ни происходили; но еще печальнѣе и несравненно прискорбнѣе онѣ должны быть у насъ въ Россіи, гдѣ „жатвы много, дѣлателей мало“, гдѣ силы и таланты какъ-то прячутся, скрываются внутри этого громаднаго русскаго великана, лишь изрѣдка пробиваясь наружу, гдѣ, притомъ, такъ мало благопріятныхъ условій для ихъ развитія и процвѣтанія, что часто и могучія силы обрываются послѣ нѣсколькихъ блестящихъ, но усиленныхъ порывовъ и напряженій, а непризнанные таланты сплошь и рядомъ должны оканчивать ничѣмъ, убивая этимъ энергію не только въ себѣ, но и въ другихъ. Киркоръ, правда, не былъ талантъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ былъ во всякомъ случаѣ ревностный труженикъ, энергичный и предприимчивый дѣятель; а для такихъ тружениковъ, хотя и не задающихся слишкомъ широкими задачами, нужны тоже благопріятныя условія, такія условія, которыя бы, во первыхъ, дали должное направленіе ихъ дѣятельности и которыя бы, во-вторыхъ, не подрывали ихъ силъ, не становились поперекъ дороги. Такихъ-то условій было весьма мало для покойнаго. Вспомнимъ, что почти вся его дѣятельность связана съ нашимъ Западнымъ краемъ, который и теперь еще стоитъ какимъ-то вопросительнымъ знакомъ въ нашей исто-

рии и исторической наукѣ, вызывая въ нашихъ ученыхъ и политикахъ самые противоположные взгляды и сужденія объ его отношеніи къ Россіи и Польшѣ. Если теперь мы иногда не свободны отъ пристрастія въ этомъ вопросѣ, то тѣмъ менѣе могло быть отъ него свободно то время, когда Киркоръ начиналъ свою дѣятельность. Русскія силы на западѣ тогда еще только пробуждались, а польскіе и литовскіе дѣятели нерѣдко смѣшивали науку съ политикой. Вотъ одинъ весьма сильный тормозъ для истинно-научной дѣятельности. Киркоръ, попавъ въ кружокъ виленскихъ ученыхъ и литераторовъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, поневолѣ сталъ раздѣлять ихъ взгляды, хотя онъ въ сущности избѣгалъ мерещившейся еще тогда нѣкоторымъ тамошнимъ дѣятелямъ утопіи о возстановленіи Польши. На дѣятельность того кружка, въ которомъ дѣйствовали гр. Тышкевичи, Крашевскій, Малиновскій, Нарбуттъ, Ходзько, Ярошевичъ, Сырокомля, Киркоръ и др., укоренился у насъ такой взглядъ, что это были фанатики, квасные патріоты, парализовавшіе русское вліяніе въ Западномъ краѣ. Но если мы хоть на минуту отрѣшимся отъ политики и посмотримъ на этотъ кружокъ съ точки зрѣнія науки, то мы должны будемъ сдѣлать уступку и согласиться, что дѣятельность его принесла не одинъ только вредъ. Мало того, доля патріотизма, хотя, можетъ быть, и ложно понятого, необходима была въ то время для зарождавшейся науки, въ особенности такихъ отраслей ея, какъ археологія и этнографія. Не забудемъ, что это были времена крѣпостнаго права, когда на народъ смотрѣли исключительно какъ на рабочую силу, не допуская возможности, чтобы когда-нибудь этотъ самый народъ могъ стать предметомъ изученія. Нужны были особыя причины, чтобы эти отношенія измѣнились, и одною изъ этихъ причинъ, правда, косвенною, была именно польская тенденція на русскомъ западѣ. Чтобы уяснить себѣ, на чьей сторонѣ больше правъ на владѣніе западно-русскими областями, польскіе дѣятели обратились къ болѣе точному изученію народа въ его прошломъ и настоящемъ, т. е., иными словами, къ археологіи и этнографіи Западно-русскаго края. Высшая политическая исторія края была, конечно, и безъ того извѣстна, и она не всегда могла служить для польской тенденціи надежною опорой; поэтому тутъ она была отодвинута на задній планъ, а главное вниманіе было обращено на степень культурнаго вліянія. Разыскивались при помощи археологіи, такъ сказать, вещественныя доказательства преобладанія польской культуры; такое же преобладаніе указывалось и въ современныхъ этнографическихъ особенностяхъ края, и изъ всего этого выводилось нѣкоторое нравственное право на именованіе этого края польскимъ. Но тутъ произошелъ интересный курьезъ: научная разработка матеріаловъ не всегда приводила къ желаннымъ выводамъ, это во-первыхъ; многіе дѣятели, во-вторыхъ, приступавшіе къ этой разра-

боткъ съ тенденціозными намѣреніями, со временемъ до такой степени предались чистой наукѣ, что забыли о всякихъ тенденціяхъ и о всякой политикѣ; въ концѣ концовъ политическія бредни отошли на задній планъ и исчезли, а то, что сдѣлано по части науки, не исчезло и послужило здоровымъ зародышемъ для дальнѣйшаго развитія мѣстной археологіи и этнографіи. Серьезный и безпристрастный человекъ сумѣлъ отличить правду и найдетъ въ трудахъ этихъ дѣятелей, къ числу которыхъ въ значительной степени принадлежалъ и покойный Киркоръ, много для себя полезнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ благодарностью помянетъ не разъ этихъ людей, посвящавшихъ жизнь, трудъ и средства для своей родины и поддерживавшихъ, такъ или иначе, священное пламя на очагѣ родной науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отмѣтить еще одну ихъ заслугу передъ нашимъ отечествомъ, въ особенности передъ народомъ. Своимъ обращеніемъ къ народу они много способствовали измѣненію крѣпостническихъ взглядовъ и такимъ образомъ содѣйствовали подготовленію крестьянской реформы. Конечно, при этомъ иногда замѣчалось простое заискиваніе передъ народомъ, желаніе расположить и сильнѣе привязать его къ себѣ; но были и такіе, которые питали непосредственную симпатію къ народу, искренно желали ему добра и другимъ старались внушить подобныя же взгляды. Это, безъ сомнѣнія, можно сказать, напр., о Крашевскомъ, о которомъ уже говорилось въ русской печати (Живоп. Обзор. 1879, т. II, № 38), что онъ, по своимъ стремленіямъ, имѣлъ много общаго съ русскими людьми 40-хъ годовъ, что онъ подобно имъ впервые заговорилъ въ польской печати о правахъ народа, горячо ратовалъ за освобожденіе крестьянъ въ концѣ 50-хъ гг., становясь въ разрѣзъ съ понятіями ярыхъ шляхтичей-крѣпостниковъ, и т. д. Другой изъ поляковъ виленскаго кружка времени Киркора, литераторъ Викентій Дуиниъ-Марцинкевичъ, писавшій по-бѣлорусски стихи на народныя темы, посвящая одну изъ своихъ книжечекъ бобруйскому маршалку Александру Лаппѣ, не стѣсняется высказать этому аристократу въ своемъ посвященіи слѣдующія, не совѣмъ обычныя для того времени мысли: „Когда я проѣзжалъ черезъ Ваши имѣнія, съ наслажденіемъ глазъ мой отдыхалъ на прекрасныхъ избахъ и хозяйственныхъ постройкахъ честнаго крестьянства; весельемъ забилось мое сердце, когда я замѣтилъ тамъ обиліе всего, свидѣтельствующее о зажиточности жителей. Тогда-то я воскликнулъ радостно: Богъ живетъ среди этого народа! не панская, но отцовская рука здѣсь управляетъ! Кому же естественнѣе могу посвятить этотъ мой трудъ, если не покровителю слабыхъ, если не отцу поселянъ?... („Ciekawys? — przeczytaj!“ Минскъ. 1856).

Все это я считаю нужнымъ сказать предварительно для того, чтобы

найти для себя нѣкоторое оправданіе, что я осмѣливаюсь говорить о лицѣ, которое можетъ казаться скомпрометированнымъ съ точки зрѣнія иныхъ людей, не желающихъ принимать въ расчетъ время и мѣсто при произнесеніи суда надъ отжившими дѣятелями. Другое, еще болѣе вѣское оправданіе для себя я нахожу въ томъ, что покойный былъ съ 1856 г. членомъ Императорскаго Археологическаго Общества, а съ 1864 г. дѣйствительнымъ членомъ Московск. Археологическаго Общества и еще нѣкоторыхъ русскихъ и заграничныхъ обществъ, такъ что, слѣдовательно польза его дѣятельности для науки давно признана.

Въ краткихъ чертахъ жизнь Киркора была слѣдующая. Онъ родился въ 1812 г. въ Могилевской губерніи, въ имѣніи Сливинѣ, въ окрестности г. Мстиславля. Отецъ его былъ, кажется, мелкимъ землевладѣльцемъ или однодворцемъ. Образование онъ получилъ въ могилевской гимназіи, а потомъ въ виленскомъ дворянскомъ институтѣ, по окончаніи котораго получилъ мѣсто секретаря при губернскомъ правленіи и остался жить въ Вильнѣ, служившей центромъ умственной жизни Западнаго края. Это было въ концѣ 30-хъ годовъ. Виленскій университетъ былъ уже въ то время закрытъ, но нѣкоторые лица изъ состава его бывшихъ преподавателей продолжали тамъ жить и устраивали частные литературные или научные кружки. Къ одному изъ нихъ Мих. Гомолицкому былъ вхожъ молодой Киркоръ, искавшій возможности наполнять чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ и существеннымъ свободныя отъ своихъ канцелярскихъ занятій минуты. Гомолицкій былъ собственно медикъ, но въ то же время страстный любитель древностей, и подъ его-то вліяніемъ развилась въ Киркорѣ любовь къ археологіи. Объ этомъ Гомолицкомъ Киркоръ вспоминалъ еще недавно по поводу юбилея умершаго на дняхъ Крашевскаго ¹⁾, и, не скрывая его дурныхъ сторонъ, характеризовалъ его все-таки какъ человѣка неслыханной честности, ученаго, жившаго только для науки, а главное любившаго Вильну больше всего на свѣтѣ. Всѣ эти похвальные склонности и черты характера въ значительной мѣрѣ отразились и на Киркорѣ. Свою любовь къ археологіи онъ доказалъ тѣмъ, что раскопалъ систематически болѣе тысячи кургановъ только въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, изслѣдовалъ и описалъ много урочищъ, городищъ и замковищъ; а его любовь къ Вильнѣ достаточно доказывается тѣмъ, что, проживъ болѣе 30 лѣтъ въ этомъ городѣ, онъ работалъ главнымъ образомъ для Вильны и Виленской губерніи ²⁾. Онъ выступалъ здѣсь не только въ качествѣ ученаго изслѣдователя, историка, археолога, этнографа, но и въ каче-

¹⁾ „Książka jubileuszowa dla uczczenia 50-letniej pracy literackiej I. I. Kraszewskiego“. Варш. 1880, стр. 330.

²⁾ Въ своею „Путеводителю по Вильнѣ“ (Przewodnik etc, 2 изд. 1880) онъ опредѣляетъ этотъ періодъ 1834—1868 гг.

ствѣ журналиста издателя, и съ этой послѣдней дѣятельности намъ придется и начать, чтобы держаться хронологическаго порядка.

Первымъ изданіемъ, которое задумалъ Киркоръ въ 1843 г., былъ періодическій сборникъ „Радегастъ“ на польскомъ языкѣ, посвященный мѣстному искусству и наукѣ; но его вышелъ только одинъ томъ. Однако велѣдъ за тѣмъ Киркоръ, уже подъ псевдонимомъ Яна изъ Сливина, приступилъ къ другому подобному изданію, тоже на польскомъ языкѣ: „Памятники умственной жизни“ (Pamiętniki umysłowe), которыхъ вышло три книги въ 1845—46 гг. Мы видимъ отсюда, какъ малъ былъ еще въ то время въ обществѣ интересъ къ болѣе или менѣе научнымъ изданіямъ, и въ этомъ можно найти достаточное оправданіе для Киркора противъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы ему ставить въ вину то, что онъ не предпринялъ русскаго изданія. Если и польскія изданія мало находили для себя поддержки, то русскія, конечно, еще менѣе могли разсчитывать на возможность существованія.

Вскорѣ однако произошелъ нѣкоторый поворотъ въ дѣятельности Киркора, и именно поворотъ къ русскому, съ того времени, какъ онъ былъ избранъ членомъ губернскаго статистическаго комитета. Статистическіе комитеты того времени нѣсколько иначе понимали свои задачи, чѣмъ нынѣшніе. Не ограничиваясь одними текущими экономическими вопросами, они не пренебрегали и исторіею края и другими научными вопросами, близко соприкасающимися съ исторіею. Какъ учрежденія, очень близко стояція къ народной жизни, комитеты старались наблюдать и изучать всѣ стороны этой жизни, и потому-то въ прежнихъ изданіяхъ комитетовъ, памятныхъ книжкахъ, сборникахъ, запискахъ, мы находимъ такъ много весьма цѣннаго этнографическаго и историческаго матеріала. Киркоръ, какъ археологъ, историкъ и этнографъ, конечно, направлялъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ эту сторону. Съ 1850 по 1854 г. онъ редактировалъ „Памятную книжку Виленской губ.“, и, какъ знатокъ края, онъ сумѣлъ придать этому, въ сущности справочному изданію живой интересъ и серьезный характеръ расширеніемъ неофициальнаго отдѣла. Тамъ онъ велъ постоянную рубрику: „Виленскія воспоминанія“, а кромѣ того помѣстилъ слѣдующія свои статьи: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ Виленской губ. до 1852 г.“ (Пам. к. 1852), „Очерки городовъ Виленской губ.“ (ibid.), „Статистическій взглядъ на Виленскую губ.“ (1853 г.). Кажется, эти работы были выпущены и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Историко-статистическіе очерки Виленской г.“, въ 2-хъ книгахъ съ рисунками (Вильно, 1852 и 1853 г.), но мнѣ не удалось ихъ разыскать. Отъ имени того же губернскаго статистическаго комитета Киркоръ совмѣстно съ П. Кукольниковомъ и другими издали въ 1854 г. рѣдкую въ настоящее время книгу подъ

заглавіемъ: „Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа“, драгоценную во всѣхъ отношеніяхъ, и по матеріалу, содержащемуся въ ней, и по прекрасному изложенію, и даже по „изящно-простому“ изданію, какъ выразился о ней г. Безсоновъ ³⁾. Первая половина книги занята статьями Киркора подъ общимъ заглавіемъ: „Литовскія древности“. Тутъ говорится: 1) о мифологическихъ понятіяхъ Литовцевъ, въ особенности о Перкунасъ и его культъ и о богъ войны Кавасъ; 2) объ археологическихъ предметахъ, найденныхъ въ Литвѣ: молоткахъ, сѣкирахъ, одѣяніяхъ и украшеніяхъ; 3) о развалинахъ Гедиминова замка въ г. Лидѣ, построеннаго кіевскими каменщиками и русскими плѣнными изъ Волыни; 4) о Бернардинской 8-угольной башнѣ въ Вильнѣ, какъ памятникъ готическаго стиля 15 вѣка; 5) о развалинахъ княжескаго замка въ Мѣдникахъ подъ Вильномъ, лѣтней резиденціи литовскихъ князей, въ особенности Ольгерда; 6) о Замковой горѣ въ Вильнѣ, гдѣ, по преданію, впервые было основано великокняжеское жилище съ языческимъ храмомъ; 7) о развалинахъ дворца княжны Варвары, дочери Юрія Радзивилла, которая служила предметомъ долгихъ искательствъ со стороны Сигизмунда II Августа и въ концѣ концовъ вышла за него за-мужъ, но была отравлена матерью его, королевою Боною; 8) о Пятницкой церкви въ Вильнѣ, основанной супругою Ольгерда Марією и существовавшей до 1796 г.; 9) о костелѣ св. Николая 15 в., какъ самомъ древнемъ въ Вильнѣ; 10) о развалинахъ замка, основаннаго при Гедеминѣ въ м. Крево, столицѣ б. удѣльнаго княжества; 11) о развалинахъ готическаго замка, основаннаго Гедиминомъ на озерѣ въ Трокахъ. Объ этомъ городѣ, замѣтимъ кстати, Киркоръ напечаталъ особую статью еще въ 1852 г. въ „Сѣверной пчелѣ“ (№ 244) ⁴⁾. Далѣе слѣдуетъ его же статья о в. к. Витовтѣ: сначала, послѣ общаго введенія, его исторія до полученія великокняжескаго престола, а затѣмъ его характеристика, какъ завоевателя, правителя, политика и челоѣка. Другому историческому лицу, упомянутой княжнѣ Варварѣ, посвящена здѣсь же особая статья Л. Кондратовича въ переводѣ Ж. и Ш. Всѣ перечисленные нами предметы и лица сгруппированы въ изящную виньетку, приложенную къ книгѣ.

Остальную часть книги занимаетъ статья П. Кукольника ⁵⁾ о преданіяхъ литовскаго народа, объ обычаяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ, музыкѣ,

³⁾ Бѣлорусскія пѣсни, стр. XXVII.

⁴⁾ Городъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что считается привилегированнымъ мѣстомъ жительства караймовъ, переселенныхъ сюда еще Витовтомъ въ XIV в.; другимъ евреямъ жить здѣсь воспрещено.

⁵⁾ Не лишнимъ будетъ упомянуть, что о дѣятельности Павла Васил. Кукольника и его брата Нестора Васил. была издана въ Вильнѣ въ 1885 г. брошюра А. И. Шверубовича, подъ заглавіемъ: „*Братья Кукольники. Очеркъ ихъ жизни: біографія, служебно-литера-*

пляскѣ, съ прибавленіемъ множества пѣсенъ и пословицъ съ объяснительными примѣчаніями. Такимъ образомъ, изданіе вышло настолько серьезнымъ, что къ нему уже была приложима строгая научная критика, которую Киркоръ впервые вызвалъ въ Западномъ краѣ на законный путь, по замѣчанію того же г. Безсонова (Бѣлор. пѣсни XXIX).

Въ тѣсной связи съ упомянутыми изслѣдованіями Киркора по исторіи г. Вильны стоятъ слѣдующія его статьи, появившіяся также въ 1854 г.: 1) „Матеріалы для историко статистическаго описанія г. Вильны“ (въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. V, отд. III, стр. 103), гдѣ говорится о гербѣ литовскаго княжества, объ управленіи, податяхъ, повинностяхъ, городскихъ доходахъ, присутственныхъ мѣстахъ и начальствующихъ лицахъ, наконецъ, приводится статистика преступленій и судебныхъ дѣлъ. 2) „Населеніе г. Вильны и его статистика за послѣдніе 22 года“ (въ Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общества, ч. XI; замѣчанія на эту статью *ibid.*, ч. XIV).

Въ своихъ занятіяхъ археологіею Киркоръ нашелъ основательную поддержку въ лицѣ гр. Евст. Тышкевича⁶⁾. Послѣдній производилъ много раскопокъ въ своихъ имѣніяхъ и въ другихъ мѣстахъ Литвы и Бѣлороссіи, и Киркоръ былъ главнымъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Результаты этихъ изслѣдованій Киркоръ сообщалъ въ Имп. Археологич. Общество и въ ученые журналы. Такъ, еще въ 1854 г. онъ доставилъ въ Имп. Арх. Общество статью: „Древности, найденныя въ Вильнѣ“, которая напечатана въ 1856. въ „Запискахъ“ Общества (т. VIII, перечень засѣд., стр. 104). Тамъ же помѣщена его статья: „Нѣсколько словъ о литовскихъ монетахъ“ (стр. 166) по поводу изслѣдованія Кене о литовской геральдикѣ въ I т. „Записокъ“; болѣе подробную и исчерпывающую статью объ этомъ вопросѣ онъ доставилъ впоследствии Московскому Археологическому Обществу, о чемъ ниже. Въ 1855 г. еще одна его статья о раскопкахъ появилась въ польскомъ журналѣ „Biblioteka Warszawska“ (іюнь).

Этотъ 1855-й годъ начинается собою, такъ сказать, новый періодъ бѣлорусской и литовской археологіи. Высочайше утверждено въ апрѣлѣ этого года положеніе объ учрежденіи въ Вильнѣ музея древностей и временной археологической комиссіи при немъ. Виленскіе археологи, такимъ образомъ, съ гр. Тышкевичемъ во главѣ получили возможность дѣйствовать съ большею увѣренностью и на болѣе широкую ногу. Му-

турная дѣятельность и хроника современнѣйш. имъ событій въ сѣверо-западномъ краѣ. Некрологъ П. Кукольника см. въ «Виленск. Календарь» на 1885 г.

⁶⁾ Жизнь и дѣятельность Е. Тышкевича вкратцѣ очерчена въ брошюрѣ Стан. Кржижановскаго: „*Eustachy hr. Tyшкеwicz i jego prace*“ (Lwów, 1873), въ которой другой археологъ Стан. Кунаевичъ помѣтилъ вмѣсто введенія историко-библиографическую статью «*Archeologia polska*».

зей быстро разрослася: въ полгода набралось до 3,000 старыхъ монетъ, до 2,000 другихъ археологическихъ предметовъ быта и культа и до 10,000 томовъ археологической библіотеки; позднѣе коллекціи пополнялись, напримѣръ, въ одномъ 1857 году прибавилось 7,000 предметовъ, а въ 1865 году коллекцій считалось уже 66,663 номера. Киркоръ принималъ близко къ сердцу успѣхъ этого учрежденія и постоянно доставлялъ туда разные предметы отъ своихъ раскопокъ цѣлыми сотнями. Онъ былъ назначенъ также „консерваторомъ“ музейныхъ коллекцій и въ 1858 г. издалъ „Перечневый каталогъ предметовъ въ Виленскомъ музеѣ древностей“. Справедливо было замѣчено критикой, что основаніе и процвѣтаніе Виленскаго музея, созданнаго въ столь короткое время почти безъ всякаго пособія отъ правительства, однимъ усердіемъ и патриотизмомъ частныхъ лицъ, можетъ служить достойнымъ примѣромъ подражанія для нашихъ ученыхъ обществъ (Извѣстія Имп. Археол. Общества. I, в. 4, стр. 268). Засѣданія временной археологической комиссіи начались съ 1856 г., и она тотчасъ же приступила къ печатанію своихъ „Записокъ“, которыя однако, по разнымъ причинамъ, не долго издавались. Въ 1856 г. подъ редакціей Киркора и М. Гусева и при участіи М. Балинскаго и Л. Кондратовича вышелъ I т., содержащій отчеты о раскопкахъ и дѣятельности комиссіи, протоколы засѣданій и рѣчи; между прочимъ тутъ помѣщена рѣчь Киркора: „О значеніи и успѣхахъ археологіи въ наше время“. Во II томъ должны были войти ученые статьи и изслѣдованія, но подготовленіе ихъ затянулось, отчасти вслѣдствіе накопленія матеріаловъ, и потому рѣшено было начать печатаніе III тома, который имѣлъ выходить двухмѣсячными выпусками. Первый выпускъ его появился въ 1858 г. подъ редакціей Киркора и И. Малиновскаго; тамъ, между прочимъ, помѣщена статья или рѣчь Киркора „О Святovidѣ“, въ которой авторъ старается устранить высказанныя Срезневскимъ (Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ. VІІ) сомнѣнія на счетъ признанія Збручскаго истукана за идолъ славянскаго бога Святовида.

Виленская комиссія старалась также входить въ сношенія съ учеными обществами, и посредникомъ въ этомъ отношеніи, на ряду съ предсѣдателемъ Тышкевичемъ, былъ и Киркоръ. Онъ продолжалъ сообщать нѣкоторые результаты раскопокъ и другихъ изслѣдованій Имп. Археол. Обществу, которое въ 1856 г. избрало его своимъ членомъ-сотрудникомъ и давало ему порученія. Обширный отчетъ объ его археологическихъ разысканіяхъ въ Виленской губ. напечатанъ въ извлеченіи въ I т. „Извѣстій Имп. Арх. Общ.“ (вып. 1, стр. 15). Достаточно пробѣжать глазами эту статью, чтобы видѣть, съ какими серьезными и широкими требованіями приступалъ онъ всегда къ своимъ разысканіямъ, а съ другой стороны, съ какимъ уваженіемъ и даже благоговѣ-

ніемъ относился онъ всегда ко всякому предмету древности. Археологическія изслѣдованія, по его словамъ, должны имѣть цѣлью „разоблачить минувшее всей страны и живыми данными указать историкѣ нить къ объясненію загадочныхъ сказаній лѣтописцевъ“. Одною изъ своихъ ближайшихъ задачъ онъ ставилъ изученіе системы древнихъ городищъ, замковыхъ горъ, боевыхъ, жертвенныхъ и могильныхъ кургановъ, способа сооруженія послѣднихъ, а равно способовъ погребенія. Относительно этого послѣдняго вопроса онъ уже тогда считалъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя выводы и обобщенія на основаніи собственныхъ наблюденій. „Система могилъ, говоритъ онъ, убѣждаетъ насъ, что литовець зарывалъ дорогіе останки своего сочлена глубоко въ землю; кривичанинъ клалъ ихъ на самой поверхности, насыпавъ курганъ сверху; чернорусинъ укладывалъ ихъ въ срединѣ кургана; литовець сожигалъ на кострѣ, въ числѣ разныхъ предметовъ, любимую лошадь умершаго; славянинъ зарывалъ ее живую въ землю. Все это дѣлалось не безъ причины, не безъ основанія; все это было освящено обычаемъ и преданіемъ“ (ibid., стр. 19). При своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ Киркоръ ни на минуту не упускалъ изъ виду историческія судьбы края, и его взгляды на историческіе процессы и отношенія были всегда вѣрны. Относительно Литвы онъ говорилъ, напримѣръ, совершенно справедливо, что это край въ археологическомъ отношеніи самый трудный для изслѣдованія; тамъ и теперь нѣтъ почти ни одного уѣзда, который бы въ отношеніи нравовъ, обычаевъ и преданій сохранялъ одинъ исключительный элементъ, литовскій или славянскій. И это вполне понятно, продолжаетъ онъ. Различныя народности, населявшія позднѣйшую Литву и Бѣлоруссію, какъ: литовцы, кривичане, дейновцы, полочане, чернорусины, дугѣбы, дреговичи, ятвяги, „могли смѣшиваться, могли отъ безпрестанныхъ столкновеній во многомъ измѣняться; но никакъ нельзя допустить, чтобы древніе предразсудки, повѣрья, нравы и обычаи могли совершенно исчезнуть или слиться въ одно общее цѣлое. Конечно, съ теченіемъ вѣковъ и событій, послѣ многихъ разрывовъ и сляній, новыхъ разъединеній и новыхъ дружественныхъ столкновеній, племена сіи, давно утратившія свою самобытность, давно слившіяся въ глазахъ исторіи, на первый взглядъ имѣютъ характеръ единства; но въ этомъ единствѣ зоркій глазъ археологіи найдетъ столько отбѣнковъ, столько разнообразія, столько случаевъ, часто неуловимыхъ для исторіи, но рѣзко замѣтныхъ для археологіи, что онъ ясно разоблачитъ минувшее и вѣрно истолкуетъ многіе темные и неразъясненные исторіею факты“ (ibid. 18—19). Вотъ какія надежды возлагалъ Киркоръ на археологію, какое важное придавалъ ей значеніе и какъ преклонялся передъ нею.

Изъ другихъ археологическихъ его статей слѣдуетъ упомянуть въ

томъ же I т. „Изв. Арх. Общ.“ еще двѣ: 1) „Изображеніе литовской богини Мильды“ (вып. 9; ср. Зап. И. Арх. Общ., VIII, переч. засѣд., 116). Статья написана по поводу двухъ бронзовыхъ статуэтокъ или женскихъ идоловъ, найденныхъ въ Вильнѣ, на мѣстѣ бывшаго пантеона литовскихъ боговъ, и въ Ковнѣ; тутъ же приложенъ рисунокъ. Не ограничиваясь описаніемъ внѣшняго вида этой предполагаемой богини любви, счастья, свободы и мира, авторъ говоритъ о ея мѣстѣ въ литовской мифологіи, о ея культѣ и мѣстахъ ея особеннаго почитанія въ древней Литвѣ. 2) „Шейбакъ-поле“. Здѣсь рѣчь идетъ о важномъ историческомъ пунктѣ близъ г. Лиды, гдѣ Литовцы въ соединеніи съ западною Русью разбили на голову въ 1242 г. брата Батыева, Шейбана (Шибана) или Шейбака, и такимъ образомъ остановили стремительное теченіе Монголовъ на западъ (Ср. Вил. Вѣстн. 1864 г. № 46 и извлеч. въ „Древностяхъ“ I, 1, библиогр. 40). Сношенія Киркора съ Имп. Арх. Общ. не прерывались и впослѣдствіи, въ періодъ его заграничной жизни; онъ присылалъ Обществу, между прочимъ, оттиски своихъ тамошнихъ работъ; тѣмъ не менѣе, замѣтимъ мимоходомъ, онъ все время оставался только членомъ-сотрудникомъ этого Общества, хотя заслуживалъ и большаго.

Но не одно петербургское Общество находилось въ сношеніяхъ съ виленскою археологическою комиссіею. Нѣкоторые результаты изслѣдованій и свѣдѣнія о болѣе интересныхъ находкахъ сообщались комиссіею также и Московскому Археологическому Обществу; ея изданія, само собою разумѣется, также присылались сюда. Что же касается собственно Киркора, то онъ сообщилъ Обществу цѣлый рядъ статейъ по археологіи, которыя послужили матеріаломъ для археологическаго словаря, издаваемого при „Трудахъ“ Общества. Вотъ эти статьи: 1) объ *Алцистъ* великанѣ („Древности“ I, в. 2, Арх. Сл. 21). Это, такъ сказать, литовскій Геркулесъ, переродившійся впослѣдствіи въ христіанскаго Христофора. Изображеніе его на гербѣ Вильны, данному городу Гедиминомъ въ 1330 г. 2) Объ *Антоколь*, предмѣстьи Вильны, гдѣ былъ пантеонъ литовскихъ боговъ съ Перкунасомъ во главѣ (ib. 26). 3) Объ *Алтамбъ*, подземельи подъ горой Бакштой въ Вильнѣ, гдѣ было языческое капище (ib. 28; ср. его же *Przechadzki po Wilnie*, изд. 2, 125). 4) О *Гедиминовой горѣ*, насыпномъ курганѣ въ Вильнѣ, какъ полагаютъ, надъ прахомъ Гедимины (ib. 35). 5) О *Литовскомъ племени*, его происхожденіи, названіи, подраздѣленіи, языкѣ и пр., съ указаніемъ библиографіи по этому вопросу (ib. 40). 6) О р. *Нѣमितъ*, впадающей въ Свислочь въ Минскѣ, въ настоящее время почти совсѣмъ пересохшей. Это та самая Нѣмига, которая упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ и подъ которою Карамзинъ разумѣлъ Нѣманъ; равнымъ образомъ упоминаемая въ томъ же памятникѣ Дудутки—не что иное, какъ м. Дудичи

Игуменскаго уѣзда (ib. 42). 7) О *Перкунасъ*, литовскомъ Юпитерѣ, ѡ его значеніи, культѣ, о найденныхъ въ Литвѣ его идолахъ, съ изображеніемъ (ib. 47). 8) О м. *Рычкахъ* Вилейскаго уѣзда, или вѣриѣе о тамошнемъ городищѣ, которое авторъ изслѣдовалъ еще въ 1855 году (ib. 65; ср. Изв. Имп. Арх. Общ. I, в. 1, стр. 16, и Bibliot. Warsz. 1855, июнь). Тутъ, между прочимъ, приводится военно топографическое изслѣдованіе этой древней крѣпости кривичанъ, сдѣланное полковникомъ Коревою (съ планомъ).

Судьба всѣхъ ученыхъ статей и замѣтокъ, какъ извѣстно, такова, что онѣ большею частью доступны и извѣстны однимъ только специалистамъ. Киркоръ не могъ съ этимъ мириться, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ краю, который онъ такъ горячо любилъ и такъ старательно изучалъ его старину. Ему хотѣлось свои разысканія и изслѣдованія своихъ сотоварищей дѣлать общедоступными, и нѣкоторымъ образомъ популяризовать науку археологіи, по крайней мѣрѣ мѣстной. Для этой цѣли весьма удобны справочныя изданія, напр., путеводители, календари и т. п., хотя, къ сожалѣнію, положительная наука мало пользуется ими для проведенія въ массу своихъ принциповъ, трезвыхъ взглядовъ и понятій, и изданія эти остаются открытымъ попріщемъ для процвѣтанія безграмотности и невѣжества. Киркоръ, вѣрно понимая истинную задачу подобныхъ изданій и ту пользу, какую они могли бы приносить, напечаталъ въ 1856 г. въ Вильнѣ книжечку на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Прогулки по Вильнѣ и ея окрестностямъ“ (Przechadzki po Wilnie etc.). Служа какъ бы путеводителемъ, эта книжка въ то же время основательно знакомитъ читателя съ главнѣйшими историческими достопримѣчательностями этого центра нѣкогда цвѣтущей Литвы. Въ 1859 г. изданіе было повторено съ дополненіями. Въ 1862 г. Киркоръ издаетъ другую подобную книжку: „Путеводитель по Вильнѣ“ (Przewodnik etc), которая была также переиздана въ 1880 году, когда авторъ жилъ уже за-границею. Предисловіе къ ней содержитъ нѣкоторыя автобіографическія черты. Такого же характера было, вѣроятно, еще одно изданіе Киркора (1859 и 1862 г.), хотя мнѣ не пришлось его видѣть и даже не могу привести его подлиннаго названія ⁷⁾. Наконецъ, имъ издана отдѣльная книжка тоже на польскомъ языкѣ: „Вильна и желѣзныя дороги“ (1863), имѣющая тоже значеніе путеводителя, но кромѣ того снабженная планами и видами Вильны и историческими замѣтками

Рядомъ съ археологическо-историческими изслѣдованіями шли у Киркора занятія этнографіею, тѣсно связанною съ археологіею и исто-

⁷⁾ De-Gubernatis въ своемъ „Dizionario biografico degli scrittori contemporanei (Firenze, 1880, t. II, supplem. 1190) упоминаетъ, именно, объ изданіи „La strenna“. (per il 1859 e 1862).

рїей. Вопросъ о бѣлорусской и литовской народностяхъ былъ поднятъ въ польской ученой литературѣ съ самыхъ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то-есть въ то время, когда русская наука еще и не думала обращаться съ изученіемъ къ этому краю. Первые свѣдѣнія по бѣлорусской этнографіи сообщались въ русскихъ журналахъ въ видѣ переводовъ и извлеченій съ польскаго. Правда, вопросъ этотъ у польскихъ писателей бывалъ обыкновенно окрашенъ особеннымъ образомъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторый этнографическій предрассудокъ или тенденція не мѣшали искреннему интересу польскихъ этнографовъ къ изученію Западнаго края. Этнографическія данныя сначала вносились въ изобиліи въ историческіе труды, а съ конца 30-хъ годовъ появляются и болѣе спеціальныя польскія работы по этнографіи Западнаго края. Точка зрѣнія этихъ трудовъ, замѣчаетъ г. Пыпинъ, какъ спеціально польскихъ, такъ и мѣстно-патріотическихъ, была, очевидно, другая, но эти изслѣдованія положили начало; ими пользовалась и должна еще пользоваться русская наука, пополнивъ ихъ только на основаніи новыхъ источниковъ, не принятыхъ во вниманіе въ прежнее время, и освѣтивъ ихъ съ новой точки зрѣнія, которой надо только пожелать болѣе широкаго, дѣйствительно народнаго горизонта ⁸⁾). Изъ этнографическихъ работъ Киркора первою, вѣроятно, была статья „О языческихъ обычаяхъ въ Бѣлоруссіи“, которую я однако знаю только по заглавію ⁹⁾). Она относится къ 1839 году. Дальнѣйшія статьи появлялись, какъ я упомянулъ, въ изданіяхъ губернскаго статистическаго комитета пятидесятихъ годовъ. Но самымъ важнымъ его трудомъ въ этой области былъ большой очеркъ подъ заглавіемъ „Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію“, составленный по программѣ Имп. Русс. Географическаго Общества, членомъ котораго Киркоръ также состоялъ. Этотъ очеркъ напечатанъ въ 1857—58 гг. въ двухъ книгахъ „Вѣстника Имп. Русс. Геогр. Общ.“ (часть XX и XXI), а кромѣ того перепечатанъ цѣликомъ въ 3-мъ выпускѣ „Этнографическаго Сборника“, изданнаго тѣмъ же Обществомъ, и въ извлеченіи въ „Extraits des publications de la Société Impér. Géographique de Russie en 1856—57“ (1859). Этотъ обширный и обстоятельный трудъ, занимающій болѣе 11 печатныхъ листовъ и посвященный всемъ народностямъ губерніи, а въ особенности бѣлоруссамъ, часто служилъ источникомъ для послѣдующихъ писателей этого края, которые, какъ замѣчаетъ г. Безсоновъ, „дальше не пошли, а порою попятились“ (Бѣлор. пѣсни. XXVIII). Послѣ общаго введенія авторъ трактуетъ здѣсь о наружности жителей, о языкѣ, о домашнемъ и общественномъ бытѣ, объ обычаяхъ и обрядахъ, о народной

⁸⁾ См. ст. Пыпина „Бѣлорусская этнографія“, Вѣстн. Евр. 1887, апр. 670—1, 682.

⁹⁾ Ср. Де-Губернатиса „Dizionario biografico“.

медицинѣ, объ увеселеніяхъ и музыкѣ, о нравственности населенія, объ его умственныхъ способностяхъ и образованіи, о народныхъ преданіяхъ и другихъ памятникахъ старины, затѣмъ приводитъ болѣе ста бѣлорусскихъ и отчасти литовскихъ пѣсенъ и около 200 пословицъ, наконецъ, прилагаетъ составленный имъ бѣлорусскій словарикъ, представляющій собою первый печатный опытъ въ этомъ родѣ, хотя позднѣйшіе лексикологи, какъ Носовичъ и др., пользуясь имъ, не сочли нужнымъ даже упомянуть имени Киркора. Большая часть наблюдений, сдѣланныхъ авторомъ надъ жизнью населенія Виленской губ., можетъ быть отнесена ко всему Западному краю, такъ что, не смотря на свои, повидимому, узкія рамки, трудъ этотъ имѣетъ общее значеніе для изученія Бѣлоруссін и Литвы.

Итакъ, научныя поѣздки, раскопки, составленіе отчетовъ о результатахъ своихъ изслѣдованій, занятія въ музеѣ и въ археологической комиссіи, редактированіе историко-статистическихъ и археологическихъ трудовъ, писаніе научныхъ статей,—все эти хлопотливыя занятія наполняли собою все дни и часы виленской жизни Киркора, и при всемъ томъ онъ еще находилъ возможнымъ мечтать о періодическомъ изданіи, посвященномъ мѣстнымъ интересамъ. Навербовавъ себѣ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, онъ приступилъ въ 1857 г. къ изданію извѣстнаго „Виленскаго Портфёля“ (TeKa Wileńska). Передъ этимъ еще было выхлопотано разрѣшеніе на изданіе журнала „Литовскій Курьеръ“ (Rogoi litewska), но оно не осуществилось, да и самому „Портфёлю“ не суждено было долго существовать. До 1863 г. вышло его восемь книгъ, куда однако вошелъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, имѣющій значительный интересъ для исторіи умственнаго движенія на нашей западной окраинѣ въ великую эпоху 60-хъ годовъ.

Подготовленію этой эпохи на русскомъ западѣ, какъ я сказалъ, много способствовали польско-литовскіе дѣятели. Со вступленіемъ на престолъ имп. Александра II вездѣ почувствовалось приближеніе „новыхъ дней“; съ необыкновеннымъ жаромъ и серьезностью принялись за обсужденіе разныхъ вопросовъ и настоятельныхъ реформъ, выдвинутыхъ наукою, а еще болѣе жизнью; все встрепенулось, и провинція не только не отставала въ этомъ отношеніи отъ столичныхъ центровъ, но иногда и опережала ихъ. Вильна была однимъ изъ главныхъ провинціальныхъ центровъ, гдѣ кипѣла духовная жизнь, къ сожалѣнію, вскорѣ парализованная политическимъ задоромъ. Въ сентябрѣ 1858 г. этотъ городъ удостоился посѣщенія Государя Императора, пробывшаго тамъ два дня. Онъ былъ восторженно привѣтствуемъ всеми безъ различія національностей и сословій. Викентій Коротыньскій, ученикъ Сырокомли, посвятилъ государю отъ имени народа стихотвореніе на бѣлорусскомъ языкѣ: „Его Милости Государю Императору Александру Николаевичу пѣсня

зъ поклономъ одъ Литовско-русинскои мужицкои грамады“; а кружокъ литераторовъ и мѣстныхъ ученыхъ съ Киркоромъ во главѣ удостоился поднести государю „Альбомъ“ или вѣрнѣе историко-литературный сборникъ, составленный въ память этого радостнаго событія и изданный Виленскою Археографическою комиссіею. Составители сборника въ предисловіи, имѣющемъ характеръ посвященія, высказали самыя вѣрно-подданническія чувства отъ лица всѣхъ народностей Западнаго края и предрекали всѣмъ милость, свободу, равноправность. Извѣстный польскій поэтъ Ант. Эдвардъ Одынецъ († 15 янв. 1885 г.) помѣстилъ въ этомъ сборникѣ весьма вдохновенное стихотвореніе или оду въ честь Александра II подъ заглавіемъ: „Да приидеть царствіе Божіе!“ (Przyjdź Królestwo Boże!). Киркоръ напечаталъ тамъ-же по русски свое изслѣдованіе: „Историко-статистическіе очерки города Вильна съ его достопримѣчательностями“; наконецъ, Николай Малиновскій помѣстилъ статью на французскомъ языкѣ: „Литва со времени воцаренія Александра II“. Эта горячая преданность русскому царю представителей польско-литовской интеллигенціи вызвала въ заграничной польской прессѣ противъ нихъ цѣлую бурю нареканій. Ярые, непримиримые поляки-патріоты закидали ихъ грязью, публично обозвали измѣнниками. Публицистъ и литературный критикъ Юл. Клячко, хотя и еврей по происхожденію, вступился за польскую идею и выпустилъ въ 1860 г. въ Парижѣ политическій памфлетъ подъ заглавіемъ: „Отступники“ (Odstępcy), направленный прямо противъ лицъ, участвовавшихъ въ названномъ сборникѣ; его поддержалъ другой публицистъ, а въ сущности поэтъ-романтикъ Корн. Уфійскій въ своихъ „Письмахъ изъ-подъ Львова“¹⁰⁾. Все это однако не охладило Киркора, потому что онъ гораздо шире понималъ задачи истиннаго патріотизма и ставилъ интересы своего народа и своей родины выше бессмысленныхъ фанатическихъ нападокъ.

Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же 1859 г. Киркоръ открылъ въ Вильнѣ собственную типографію и, не прекращая другихъ занятій, снова принялся за періодическія изданія. Въ 1859—62 гг. подъ прежнимъ псевдонимомъ Яна изъ Сливина онъ выпустилъ два тома „Виленскаго сборника“ (Pismo zbiorowe Wileńskie), а съ 1860 г. принялъ на себя также изданіе „Виленскаго Вѣстника“ (имѣвшаго и польское названіе: „Kurjer Wileński“), при чемъ главнымъ помощникомъ его былъ Н. Малиновскій. Въ Вильнѣ съ 1834 г. издавался полуофициальный органъ (Kurjer litewski), видоизмѣнявшійся и переходившій изъ рукъ въ руки¹¹⁾, Киркоръ перенялъ его отъ Одынца и первый началъ печатать

¹⁰⁾ Оттискъ изъ „Dziennika literack.“, Лейпцигъ, 1861. О вызванной ими полемикѣ см. „Bibliot. Ossolińskich“, 1864, т. IV, библиогр. 332.

¹¹⁾ Еще раньше, около 1800 г., издавался въ Вильнѣ „Kurjer litewski“, не имѣющій, кажется, отношенія къ этому изданію.

тать нѣкоторыя части по-русски. Онъ сумѣлъ такъ хорошо поставить изданіе, что число подписчиковъ съ 400 поднялось до 3000. Сначала газета выходила два раза въ недѣлю, съ 1863 г. три раза. Въ 1864 г. она была преобразована въ исключительно русскій правительственный органъ, и объемъ ея еще увеличился, особенно расширеніемъ научно-литературнаго отдѣла, куда вошли, скажемъ словами редакціи, „статьи по части исторіи, преимущественно мѣстной, указаніе и разъясненіе памятниковъ древне-русской православной старины, историческое развитіе замѣчательнѣйшихъ событій въ непосредственномъ соотношеніи съ русско-православною народною жизнью края, кромѣ того статьи по части статистики, этнографіи, политической экономіи, земледѣлія и другихъ отраслей знанія“. Въ свое время это изданіе Киркора удостоилось весьма сочувственнаго отзыва со стороны покойнаго гр. А. С. Уварова, въ особенности за литературно-научный отдѣлъ. Въ общественно-политическихъ газетахъ вообще, а тѣмъ болѣе въ официальныхъ, литературная часть, по выраженію графа Уварова, остается одною пустою прикрасою. Напротивъ, „Виленскій Вѣстникъ“ не только не забываетъ литературную часть своего изданія, но даже придалъ этой части самыя обширныя объемы, включивъ въ нее статьи историческія и даже археологическія... Виленскій Вѣстникъ съ его историческими и археологическими статьями о любопытныхъ мѣстностяхъ Западнаго края можетъ заинтересовать каждаго неравнодушнаго къ состоянію и къ исторіи нашихъ западныхъ губерній, такъ мало еще извѣстныхъ у насъ“ (Древности. I. 1, библиогр., 37). Не ограничиваясь издательскими и редакціонными хлопотами, Киркоръ помѣщалъ въ своей газетѣ еще и свои статьи по исторіи и археологій. Такъ, напр., въ 1864 г. появились его статейки: „Пребываніе Петра I въ Вильнѣ“ (съ № 12), „Елена Іоанновна, в. княжна литовская, королева польская“ (№ 23), „Церковь Пресв. Богородицы въ Новогрудкѣ“ (№№ 37—42), „Столбъ Владиміра Васильковича въ Каменцѣ Литовскомъ“ (№ 43 — 4), „Шейбакъ-поле“ (№ 46), „Заславъ Минскій“ (№ 58—62) и др.

Къ сожалѣнію, мѣстная политическая неурядица, нѣкоторыя инсинуаціи, наконецъ, редакціонныя дразги заставили Киркора отказаться отъ своего изданія и передать его съ 1866 г. въ другія руки, а вскорѣ онъ и самъ оставилъ Вильну.

Къ періоду изданія „Виленскаго Вѣстника“, кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ Киркора, относятся еще слѣдующіе: 1) „Литва въ историческомъ, научномъ и статистическомъ отношеніяхъ“, на польскомъ языкѣ, и 2) „Краткое обозрѣніе ученой дѣятельности по части статистики въ Литовскомъ краѣ и въ особенности въ Виленской губерніи“, помѣщенное въ I ч. „Сборника историко-статистическихъ матеріаловъ по Ви-

ленской губ.⁴, который былъ изданъ губернскимъ статист. комитетомъ подъ редакціею М. Гусева въ 1863 г.

Въ концѣ слѣдующаго 1864 г. Московское Археологическое Общество, въ уваженіе заслугъ Киркора по археологіи вообще и за присылаемыя статьи и пожертвованія въ особенности, избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Какъ бы въ благодарность за оказанную ему честь, онъ предоставилъ въ распоряженіе Общества обширную статью: „Монетное дѣло въ Литвѣ“, которая и была напечатана въ 1869 г. въ „Древностяхъ“ (т. II, в. 2), а въ слѣдующемъ году вышла и отдѣльнымъ оттискомъ. Цѣлью этого сочиненія, какъ говоритъ авторъ, было „собрать въ одно цѣлое мнѣнія и указанія, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, и представить общій сводъ свѣдѣній о литовскихъ монетахъ, чтобы такимъ образомъ проложить болѣе широкой путь будущему нумизмату“. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ того періода, когда Литовцы въ своихъ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ прибалтійскими и другими народностями пользовались чужою монетою, получаемою въ обмѣнъ на сырые товары и янтарь; затѣмъ переходитъ къ періоду чеканки въ Литвѣ собственной монеты съ XIV в. почти до конца XVII в., говоритъ о замѣчательныхъ древнѣйшихъ монетахъ XIV в.; далѣе передаетъ исторію рубля и другихъ монетныхъ единицъ въ Литвѣ, откуда мы, между прочимъ, узнаемъ, что послѣднія монеты виленской чеканки относятся къ 1666 году, и доводитъ свое изслѣдованіе до отреченія Станислава Августа въ 1795 г., послѣ чего въ Литвѣ была введена русская монета. Въ заключеніе приводится перечень сочиненій по нумизматикѣ Литвы и объясненіе 69 экземпляровъ литовско-польскихъ и другихъ монетъ.

Оставивъ редакцію „Виленскаго Вѣстника“, Киркоръ тѣмъ и закончилъ виленскій періодъ своей дѣятельности и вскорѣ переѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ онъ началъ издавать съ 1867 г. большую ежедневную газету на русскомъ языкѣ: „Новое Время“¹²⁾. Сначала онъ велъ это дѣло съ бывшимъ редакторомъ „Вѣсти“ г. Юматовымъ, а съ апрѣля 1869 г. изданіе перешло въ его полную собственность и печаталось въ его-же типографіи. Кромѣ общихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, въ газетѣ обращалось особенное вниманіе на вопросы, касающіеся Западнаго края. Они обсуждались въ передовыхъ статьяхъ, въ мѣстныхъ корреспонденціяхъ и извѣстіяхъ, которымъ давалось въ газетѣ много мѣста. Я не буду останавливаться на томъ, какъ именно освѣщались въ газетѣ тѣ или другіе факты изъ жизни нашего Западнаго края, не буду, однимъ словомъ, говорить подробно о направленіи газеты; но не могу не упомянуть о томъ, что уже въ то время изданіе

¹²⁾ Нѣкоторые опредѣляютъ время этого изданія годами 1864—68.

это возбудило въ нѣкоторыхъ подозрѣніе въ какихъ-то польско-шляхетскихъ тенденціяхъ, въ желаніи идеализировать панское землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ и т. д. Ко всѣмъ этимъ сужденіямъ надо относиться съ большою осторожностію, потому что если и теперь еще мы не всегда можемъ спокойно и безпристрастно говорить объ обрусеніи Западнаго края, то, понятное дѣло, еще менѣе безпристрастія могло быть въ обсужденіи этого вопроса тогда, когда онъ только что сталъ передъ нашимъ общественнымъ сознаніемъ, по выраженію г. Пыпина, когда съ послѣдняго польскаго возстанія мы вдругъ открыли, что Западный край есть край русскій, поняли, что до сихъ поръ онъ былъ заброшенъ, что нужно изучить его, дать возможность его русской народности освободиться отъ чужаго гнета ¹³⁾. Еще даже не появлялось объявленія объ изданіи „Новаго Времени“, какъ въ газетѣ „Москва“ (И. Аксакова) появилось обвиненіе несуществующаго изданія въ польской тенденціи, ставилось въ вину Киркору, что онъ и раньше печаталъ „Виленскій Вѣстникъ“ не только на русскомъ, но и на польскомъ языкѣ, говорилось, будто онъ былъ удаленъ изъ этой редакціи гр. Муравьевымъ и т. д. ¹⁴⁾. Не Киркоромъ былъ введенъ польскій языкъ въ „Виленскій Вѣстникъ“. Гр. Муравьевъ не только терпѣлъ его въ газетѣ, но даже приказывалъ разными распоряженіями и циркуляры печатать на обоихъ языкахъ. Затѣмъ, когда графъ призналъ необходимымъ преобразовать частное полуофициальное изданіе въ правительственный органъ на одномъ русскомъ языкѣ, то самое преобразование газеты поручилъ Киркору-же, и онъ, какъ самъ выражается, не только оставался редакторомъ органа русскаго дѣла и русскихъ интересовъ въ краѣ, но и пользовался довѣріемъ и благорасположеніемъ гр. Муравьева до самой его смерти. Муравьевъ уѣхалъ изъ Вильны въ началѣ 1865 г., а Киркоръ продолжалъ изданіе вплоть до 1866 г. Наконецъ, совершенно справедливо замѣчаетъ онъ въ своемъ объяснительномъ письмѣ, что кто ставитъ ему въ упрекъ предпочтеніе польскому языку, тотъ же долженъ забывать, что онъ „писалъ, печаталъ по-русски и былъ редакторомъ чисто-русскихъ изданій гораздо прежде, чѣмъ сталъ редакторомъ означенной русско-польской газеты... Не въ первый разъ, — продолжаетъ онъ, обращаясь къ Аксакову, — личность моя дѣлается предметомъ чьего-то особеннаго вниманія. Цѣлыя статьи и замѣтки посвящались разъясненію не только того, что я дѣлалъ, но и того, что я думаю дѣлать. Чье-то странное участіе въ моей судьбѣ брало на себя трудъ объявлять о предпринимаемыхъ мною изданіяхъ съ обозначеніемъ ихъ названій, именъ сотрудниковъ; чуть не открывали на нихъ под-

13) Вѣсти. Евр. 1887 г. IV, 664 (Бѣлор. этногр.).

14) „Москва“, 1867 г., № 86 (Моск. Дневникъ).

писку... Я хорошо зналъ, что подь этимъ скрывается и куда направлены подобныя выходки, и, конечно, не отвѣчалъ ни слова. Но отнестись съ тѣмъ же равнодушіемъ къ словамъ вашей газеты я не могу, ибо давно привыкъ уважать и цѣнить васъ, какъ человѣка и дѣятеля строгой честности¹⁵⁾. Какъ бы то ни было, предпріятіе Киркора было дискредитировано, и нельзя было ожидать для него большаго успѣха. Какъ ни дорожилъ Киркоръ этимъ изданіемъ, но, не смотря на то, что убилъ на него всѣ свои средства, могъ протянуть его существованіе только до 1871 г. включительно.

Надломленный трудомъ, огорченный неудачами, 60-лѣтній старикъ, онъ принужденъ былъ наконецъ совсѣмъ покинуть не только свою родину, но и отечество. Поселившись въ Краковѣ, онъ опять попробовалъ въ 1872 г. издавать большой, общедоступный журналъ на польскомъ языкѣ: „На сегодня“ (Na Dziś), посвященный литературѣ, наукѣ, искусству, сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности. Вышло три книжки, а дальше изданіе не могло продолжаться по недостатку средствъ. Вообще положеніе Киркора въ это время было далеко не завидное. Ради заработка онъ писалъ статьи въ разные журналы, пробовалъ даже читать публичныя лекціи и, пристроившись, наконецъ, при Академіи Наукъ, пробивался кое-какъ. Изъ его литературно-научныхъ трудовъ, относящихся къ этому времени, упомянемъ слѣдующіе¹⁶⁾: 1) „Очерки современной русской литературы“ (Tygodn. Wielkopol., Познань, 1873); 2) „О литературѣ родственныхъ славянскихъ народовъ“ (публичныя лекціи, Крак. 1874); 3) „Краковская Академія наукъ, историко-библіографич. очеркъ“ (Славянскій Сборникъ, изд. петерб. отдѣла Славянскаго Благотвор. Комитета, т. III, 1876 г.¹⁷⁾; тутъ можно найти и краткія замѣтки о результатахъ его раскопокъ въ Галиціи и на Покутьѣ; 4) „О древнихъ славянахъ“ (1875); 5) „Славяне въ Венгріи“ (1875); 6) „Прибалтійскіе славяне“ (Przeegl. archeolog., Львовъ, 1876); 7) „Славянская этнологія“ (?); 8) „Картины литовской жизни“ (Познань, 1875); 9) „Ризница Виленскаго собора и его богатства“ (Kwartalnik, прил. къ журн. Kłosy, Warsz. 1877, т. II); 10) „Литва и Русь въ историческомъ, географич., статистич. и археологическомъ отношеніяхъ“ (Opiękun Domowy, Warsz. 1875). Всѣ эти работы, кромѣ 3-й конечно, были написаны на польскомъ языкѣ и, кажется, только послѣдній изъ названныхъ трудовъ былъ обработанъ самимъ Киркоромъ также и по-русски, въ видѣ обширной монографіи о Литвѣ и Бѣ-

¹⁵⁾ „Москва“, 1867, № 97.

¹⁶⁾ По Эстрейхеру, Де-Губернатису и нѣкоторымъ другимъ указаніямъ.

¹⁷⁾ Вѣроятно, Киркору же принадлежитъ и слѣдующая статья въ той-же книгѣ: «Институтъ Оссолинскихъ во Львовѣ» (замѣтка съ обещаніемъ болѣе подробной статьи) за подписью А. К.

лоруссін. Она помѣщена въ издаваемой Вольфомъ „Живописной Россіи“, гдѣ заняла почти весь III томъ, посвященный этому краю и вышедшій въ свѣтъ въ 1882 г. Какъ знатокъ края, трудившійся съ самаго начала своей дѣятельности надъ его исторіею, археологіею и этнографіею, авторъ могъ широко и съ увѣренностью трактовать объ извѣстномъ ему предметѣ, и въ результатъ получился довольно ясный и цѣльный образъ, еще болѣе привлекательный по прекрасному изложенію. Содержанія этого сочиненія я передавать не стану, такъ какъ оно всѣмъ болѣе или менѣе знакомо. Скажу только, что появленіе этого труда на русскомъ языкѣ возбудило разныя подозрѣнія и инсинуаціи противъ автора и издателей, хотя въ сущности эти нападки не имѣли достаточныхъ основаній¹⁸⁾. Если и были вѣрно указаны нѣкоторые фактическіе промахи, неизбѣжные во всякомъ единоличномъ трудѣ, то на основаніи этого еще нельзя было съ увѣренностію сердецѣдовъ строить обвиненіе въ сепаратизмъ. Если какой-то Либеровичъ¹⁹⁾, придравшись къ этому изданію, пожелалъ высказать свои личные фанатическіе взгляды, то нельзя этихъ взглядовъ навязывать всѣмъ и каждому, кто только осмѣлится заговорить о вліяніи Польши на Западно-русскій край. Вотъ что между прочимъ писалъ г. Кояловичъ о 3-мъ томѣ „Жив. Россіи“: „Онъ почти весь представляетъ воспроизведеніе польскихъ воззрѣній и польскихъ притязаній на Литву и Бѣлоруссію. Главнымъ авторомъ этого тома, главнымъ, такъ сказать, строителемъ путемъ науки польскаго зданія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи былъ г. Киркоръ, обладающій, какъ и г. Спасовичъ, и русскимъ и польскимъ образованіемъ, и у котораго подъ видомъ гуманности и научности тоже вездѣ видны великая неправда и фанатизмъ по отношенію ко всему русскому, какъ это русское сложилось во времена московскія и сохраняется во всѣ времена послѣпетровскія“²⁰⁾. Врядъ-ли болѣе безпристрастный читатель найдетъ возможнымъ обвинить Киркора въ стремленіи возстановить „польское зданіе“ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что подобное стремленіе было-бы болѣе чѣмъ смѣшно въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и вообще въ наше время. Горько было выслушивать всѣ подобныя обвиненія челоуѣку, который большую половину своей жизни посвятилъ безкорыстному служенію родинѣ, и онъ не отвѣчалъ на нихъ. Только въ прошедшемъ году въ одномъ изъ галицкихъ журналовъ нѣкто А. Щепанскій старался оправдать Киркора и доказать добро-

18) См. полемику по поводу этого изданія въ газетахъ 1884 г.: «День», «Литовскія Епарх. Вѣдом.», «Крај», «Виленск. Вѣстникъ». «Русь».

19) Издалъ въ Краковѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ брошюрку: «Stara Polska w malowniczym opisie» (1883).

20) Петер. рус. самосознанія, 1884 г., стр. 448.

совѣстность его труда, но мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось до сихъ поръ прочесть эту статью.

Не слѣдуетъ думать, что съ переѣздомъ за-границу Киркоръ предался исключительно кабинетной работѣ. Привыкнувъ еще на родинѣ къ непосредственнымъ наблюденіямъ надъ народною жизнью, пристрастившись къ научнымъ поѣздкамъ, раскопкамъ и другимъ подобнымъ изслѣдованіямъ, онъ и подъ старость не могъ навсегда замкнуться въ стѣнахъ города; его тянуло въ деревню, къ народу, къ курганамъ и городищамъ, а новая, еще мало для него знакомая страна представляла такой богатый матеріалъ для тѣхъ наблюденій и разысканій, которыя были его призваніемъ. Онъ нашелъ въ этомъ случаѣ поддержку со стороны Краковской Академіи Наукъ, которая выбрала его своимъ экстраординарнымъ членомъ, а потомъ назначила хранителемъ коллекцій археологическаго отдѣленія и завѣдующимъ секціей раскопокъ. Небольшая субсидія, отпускаемая этимъ отдѣленіемъ Академіи, дала ему возможность совершить цѣлый рядъ поѣздокъ въ разныя мѣста Галиціи съ научною, главнымъ образомъ археологическою цѣлью. Результаты своихъ изслѣдованій онъ излагалъ въ видѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ комиссій, учрежденныхъ при Академіи по отдѣламъ: археологій, антропологій съ этнографіею, филологій и проч. Потомъ эти отчеты печатались въ трудахъ названныхъ комиссій. Можно упомянуть слѣдующія статьи и изслѣдованія: 1) „Археологическія разысканія въ окрестностяхъ Бабиць и Квачалъ“; 2) „Разысканія въ Квачалѣ“²¹⁾. Въ этихъ статьяхъ трактуется главнымъ образомъ о свайныхъ постройкахъ въ Квачалѣ, которую авторъ готовъ принять за станцію на торговомъ пути отъ Аквилей къ Балтійскому морю, называемомъ у Pallmann'a *трусскимъ*. Говорится также о погребальныхъ обычаяхъ съ массою сравненій; 3) „Разысканія памятниковъ старины въ ближайшихъ окрестностяхъ Кракова“²²⁾; 4) „Археологическія изслѣдованія въ 1876 г.“²³⁾; 5) „Отчетъ объ археологическихъ памятникахъ, доставленныхъ въ Академію изъ археологическо-антропологической поѣздки въ 1877 году“²⁴⁾; 6) „Археологическія разысканія въ 1878 г.“²⁵⁾; 7, 8, 9, 10) Отчеты объ археологическихъ поѣздкахъ въ 1880,—81,—82,—83 гг.²⁶⁾. Этими работами Киркоръ дѣлился и съ русскими учеными обществами, поддерживая такимъ образомъ свои сношенія съ ними по старой памяти.

²¹⁾ Рефераты, чит. въ засѣд. комиссіи археологич. (14 іюл. и 11 нояб. 1873). Напеч. въ отчетахъ истор.-филол. отдѣла Академіи.

²²⁾ Сообщеніе, чит. въ ком. арх. (17 февр. 1876).

²³⁾ Zbiór wiadomości do antropologii, Krajowój, t. I. Krak. 1877.

²⁴⁾ Zbiór wiadomości do antr. Krajowój, t. II, 1878.

²⁵⁾ Zbiór wiadomości do antropol. Krajowój, t. III. Krak. 1879.

²⁶⁾ Zbiór wiad. do antr. Kraj, t. V (1881), VI (1882), VII (1883), VIII (1884).

Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе въ виду того, что въ русской печати, кажется, ничего объ нихъ не говорилось. Бѣльшая часть изъ этихъ трудовъ относится къ изученію той части Галиціи, которая примыкаетъ къ нашей Подоліи и носить такое-же названіе. Этому краю Киркоръ посвятилъ нѣсколько лѣтъ, совершая систематическія поѣздки для раскопокъ и для описанія и собиранія археологическихъ памятниковъ. Сюда именно относятся главнымъ образомъ упомянутые отчеты объ ученыхъ экскурсіяхъ въ періодъ времени за 1876—1883 гг. Въ первый годъ онъ изслѣдовалъ берега Днѣстра, на границѣ Бессарабіи, и берега Збруча, Серета, Гнилой и другихъ притоковъ, при чемъ ему удалось подтвердить и частью исправить свѣдѣнія объ обстоятельствахъ открытія Збручскаго истукана Святовита на основаніи показаній очевидцевъ К. Беньковскаго и А. Бржушкевича. При впаденіи рѣчки Гнѣзны въ Сереть, въ Семеновѣ, имъ раскопано 6 могилъ, изъ которыхъ въ одной оказались признаки трупосожиганія, а въ остальныхъ были скелеты почти безъ всякихъ украшеній и предметовъ, кромѣ черепковъ и гвоздей. Раскопки въ урочищѣ Могилки, надъ р. Цыганкой, въ Сапоговѣ дали много бронзовыхъ вещей и подтвердили существованіе въ этой мѣстности обычая сожигать умершихъ. Археологическихъ предметовъ добыто для музея въ эту поѣздку до 200. Вторая часть отчета за этотъ-же годъ составляетъ специальное изслѣдованіе: „О каменныхъ могилахъ на Галицкомъ Подолѣ“, въ которомъ авторъ сначала даетъ сводъ свѣдѣній о существованіи подобныхъ могилъ на славянской территоріи вообще и въ Подоліи въ особенности, потомъ подробно говоритъ объ открытыхъ имъ или подробнѣе изслѣдованныхъ каменныхъ могилахъ: въ Коцюбинцахъ (близъ Гусятина), въ Хоростковѣ (въ 2 миляхъ отъ Коцюбинецъ), въ Семеновѣ (между Хоростковомъ и Трёмбовлей), въ Зеленцахъ (близъ Семенова), въ Борщовѣ (надъ Збручемъ). Во всѣхъ случаяхъ личныхъ наблюденій имъ обращено особенное вниманіе на способъ устройства этихъ могилъ, на положеніе въ нихъ покойниковъ и т. д. Особую статейку въ этомъ-же отчетѣ составляетъ также замѣтка о поѣздкѣ въ концѣ того-же года въ урочище Мокржишовѣ, Тарнобережскаго округа, гдѣ на обширной площади находимы были погребальныя урны, орнаментъ которыхъ и форма описаны во всей точности и подробности и приложены рисунки. Тутъ-же перечислены другія подобныя древнія кладбища, находящіяся въ Подоліи. Въ заключеніе описано урочище Paček между Вислой и Саномъ, гдѣ на пригоркѣ открыто мѣсто языческихъ жертвоприношеній съ жертвеннымъ котломъ и большимъ количествомъ непережженнаго вполнѣ зернового хлѣба разныхъ сортовъ: ржи, пшеницы, особенно-же проса, гороху и бобовъ. Преданіе говоритъ, что находившіеся здѣсь идолы погибли въ близлежащемъ озерѣ, куда, по

другимъ, обрушилась церковь. Интереснымъ фактомъ этихъ поѣздокъ Киркора нужно отмѣтить горячее сочувствіе, съ какимъ вездѣ за-границею встрѣчаютъ ученаго изслѣдователя не только интеллигентные люди, но и простой народъ. Киркоръ сознается, что не ожидалъ особеннаго успѣха отъ своей поѣздки, такъ какъ край и его обыватели были для него еще незнакомы; но онъ встрѣтилъ вездѣ такое вниманіе и готовность помочь, какихъ, конечно, не привыкъ встрѣчать на родинѣ. Одно имя Академіи внушало всѣмъ уваженіе къ ея посланнику.

Въ 1877 г., отправляясь опять на изслѣдованіе галицкой Подоліи, Киркоръ задался нѣкоторыми специальными вопросами, а главнымъ образомъ тѣмъ-же вопросомъ о каменныхъ гробахъ и способахъ погребенія въ разныя эпохи. Поэтому и отчетъ объ этой поѣздкѣ наполненъ подробностями изъ его раскопокъ, относящимися къ выясненію этихъ вопросовъ. Съ участіемъ еще нѣкоторыхъ лицъ имъ раскопано было два дольмена изъ 6 плитъ (въ Черноконцахъ, Гусятинск. уѣзда, и въ Беремьянахъ, Залѣщицкаго уѣзда), 10 могилъ полукаменныхъ, полужемляныхъ, 22 могильныхъ кургана и 10 кладбищъ отъ временъ трупосожиганія. Эти изслѣдованія вмѣстѣ съ произведенными раньше дали уже Киркору возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія по интересовавшему его вопросу. Шестиплитные гробы онъ относитъ къ эпохѣ шлифованнаго камня, когда еще металлъ не былъ въ употребленіи; въ нихъ хоронили умершихъ въ сидячемъ положеніи, надъ гробомъ-же иногда насыпали небольшой холмъ. Переходной порѣ принадлежитъ такое устройство могилы, когда она сложена изъ меньшихъ камней и земли и только сверху прикрыта одной общей плитой, надъ которой насыпь; скелетъ тоже въ сидячемъ положеніи, но рядомъ съ кремнемъ тутъ можно встрѣчить и металлъ—бронзу. Наконецъ, позднѣйшаго устройства могилы, вырытыя въ землѣ; покойника уже клали и посыпали пескомъ, иногда съ известью; надъ могилой—курганъ, иногда обложенный камнями для укрѣпленія. Кромѣ того, въ Подоліи, какъ сказано, существовалъ обычай сожигать умершихъ и пепель въ сосудахъ зарывать на кладбищахъ и въ курганахъ. Въ эту-же поѣздку Киркоръ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о керамикѣ на Подолѣ. Во всѣхъ своихъ заключеніяхъ онъ по обыкновенію старается быть осторожнымъ и всегда обсуждаетъ сдѣланное предположеніе съ разныхъ сторонъ. Такъ, напр., соглашаясь, что разные способы погребенія характеризуютъ собою разныя эпохи культуры или въ иныхъ случаяхъ разныя народности, онъ въ то-же время не забываетъ о возможности переживанія однѣхъ формъ быта при другихъ, являющихся имъ на смѣну вслѣдствіе ли заимствованія, или вслѣдствіе самостоятельнаго культурнаго движенія.

Археологическія работы его за 1878 г. изложены въ отчетѣ, состоящемъ изъ трехъ частей: 1) замѣтки объ изслѣдованіи пещеры Лисѣнки

подъ Черной, на самой границѣ съ Польшей, 2) большого отчета о главной поѣздкѣ этого года въ южную Подолію и въ окрестности Стрыя и Болехова, 3) пространной замѣтки о такъ называемыхъ *болдахъ*, (торчащихъ изъ земли камняхъ) въ Стрыйскомъ округѣ. Пещера или гротъ Лисѣнка идетъ полукругомъ на 26½ метр. въ длину, въ видѣ узкаго корридора съ зигзагами, при ширинѣ 107—133 смтр. Изъ нея добывали гуано, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и находившіеся тамъ предметы: черепа, кости животныхъ и людей, каменные орудія. Были все-таки возвращены кости мамонта, пещернаго медвѣдя, оленя и человѣческой черепъ, длинноголовый, безъ прогнатизма. Подобныя пещеры и гроты авторъ указываетъ подъ Краковомъ: въ Мниковѣ (изслѣдована Оссовскимъ), въ Бродлахъ, Порембѣ, Томашовицахъ, Закличинѣ, Липовцѣ, Жарахъ, Бильчѣ, Кролѣвкѣ, Сапоговѣ, Исаковѣ, Чортовцѣ и Жабокрукахъ. Нѣкоторые изъ этихъ мѣстъ онъ посѣтилъ въ томъ-же году въ свою главную поѣздку на югъ Подоліи, къ берегамъ Днѣстра, Стрыпы, Серета, Цыганки, Нецлавы и Збруча, съ цѣлью собиранія большого количества фактовъ для разъясненія вопросовъ, затронутыхъ при прежнихъ изслѣдованіяхъ Подоліи, главнымъ образомъ вопроса о погребальныхъ обычаяхъ. При этомъ онъ опять различаетъ: а) каменные гробы въ видѣ ящика изъ 6 плитъ, б) могилы изъ камня и земли съ плитою сверху, в) могилы курганныя, со скелетами или съ пепломъ отъ сожженнаго трупа, г) кладбища трупо-сжигательныя съ урнами, которыя также всегда останавливали на себѣ его особенное вниманіе. Къ каменнымъ гробамъ перваго разряда, упомянутымъ въ прежнихъ отчетахъ (въ Беремянахъ, Зеленцахъ, Коцюбинцахъ, Семеновѣ, Хоростковѣ, Борщовѣ, Чарноконцахъ) онъ присоединяетъ еще такую-же находку на Подолѣ, въ Кушиловцахъ, и другую въ Чернолицахъ уже по другую сторону Днѣстра, т. е. на Покутьѣ. Могилъ втораго сорта имъ разрыто въ эту поѣздку 11, въ мѣстностяхъ: Бильчѣ у Серета, съ пещерой и городищемъ, Верхняковцы у Нецлавы, Волковцы у Цыганки, съ городищемъ, Городокъ на Днѣстрѣ; прежде такія-же могилы найдены имъ въ Застѣнкѣ, Беремянахъ, Звенигородѣ, Монастыркѣ, Борщовѣ, Лосичѣ и Глембочкѣ. Кургановъ имъ разрыто 18 въ Жнибродахъ, при р. Стрипѣ. Среди другихъ достопримѣчательностей, онъ между прочимъ обратилъ во время этой поѣздки вниманіе на Траяновъ валъ, на берегахъ Збруча, въ предѣлахъ Борщовскаго округа въ Галиціи (приложена карта) и нашей Подольской губ. и Бессарабіи, обозначивъ точно мѣста, въ которыхъ онъ сохранился. Вопросъ о томъ, служитъ-ли этотъ валъ продолженіемъ того, который составлялъ границу римской Дакии, онъ оставляетъ открытымъ. Статья о *болдахъ* Стрыйскаго округа занята подробнымъ описаніемъ этого дѣйствительно замѣчательнаго явленія, свидѣтельствующаго объ отдаленнѣйшихъ временахъ. Природа нагромоз-

дила здѣсь колоссальные обломки скаль, а древніе обитатели края старались приспособить ихъ для потребностей своей матеріальной или духовной жизни, оставивъ намъ слѣды своей силы, мысли и искусства. Эти болды называются еще *баудами, бердами, холмами, щолбами* и просто *камями*. Киркоръ изслѣдовалъ ихъ въ дер. Поляницѣ, при Соколей горѣ, въ д. Розгурче, въ 1½ милѣ отъ Поляницы, на берегу Стрыя, и въ Уричѣ, въ ½ милѣ отъ Поляницы.

Изслѣдованія 1880 и 1881 гг. познакомили науку еще съ нѣкоторыми интересными для археолога мѣстностями Подоліи. Такъ, напр., при впаденіи Вислоки въ Вислу, въ Горкахъ найдено кладбище, на которомъ погребальныя урны были зарыты въ два яруса; урны подробно описаны и представлены въ рисункахъ. Около Бохніи, въ Лапчицахъ и въ Холмѣ открыты два богатые городища. Кромѣ того, обследованы въ археологическомъ отношеніи подольскія мѣстности: Низины на Вислѣ съ урочищемъ Чарна Роля, Креница, Миклюшовичи на р. Равѣ, Венгрыцы близъ Михаловичской таможи, Подлицы, близъ г. Злочева, съ близлежащей д. Лука, Глубочекъ большой при р. Серетѣ, близъ Тарнопоя, Ивачовъ верхній, Исуповцы, Городница при р. Збручѣ, Гусятинь, Чернелевъ, Хорелевъ и др.

Въ 1882 г. Киркоръ снова посѣтилъ галицкій Подоль, именно побережіе Збруча. Въ своемъ отчетѣ объ этой поѣздкѣ онъ описываетъ въ археологическомъ отношеніи отроги Карпатъ, такъ называемые Мѣдоборы, Звенигородъ надъ Збручемъ съ его окрестностями, гдѣ въ 1848 г. Казим. Беньковскій и Ант. Бржушкевичъ достали изъ Збруча статую Святовита; затѣмъ переходитъ къ описанію г. Збаража съ его окрестностями, отмѣчая археологическія достопримѣчательности: развалины замковъ, валы, подземелья, древнія кладбища съ явными слѣдами трупосожиганія, курганы, городища, каменные бабы, остатки языческихъ святинь и т. п. и освѣщая все это историческими фактами, народными преданіями и подробностями изъ личныхъ наблюдений и изслѣдованій. Изъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ эту поѣздку, здѣсь находимъ подробности о 5 могилахъ языческаго кладбища въ дер. Грицовкѣ, близъ Збаража, и о 6 курганахъ близъ дер. Чолганцизны той-же мѣстности; найденныя при этомъ вещи и костяки описаны. Изслѣдованныя мѣстности лежатъ всѣ недалеко отъ русской границы, и наша Подолія, составляющая продолженіе галицкой, имѣетъ также немало памятниковъ старины (напр. между Сатановымъ и Гусятиномъ), разница лишь въ томъ, что галицкая Подолія давно обследована и описана, а наша еще ждетъ своего изслѣдователя.

Въ слѣдующемъ году Киркоръ отправился еще разъ на побережіе Днѣстра, богатое доисторическими памятниками, находками бронзовыхъ издѣлій, особенно въ окрестности извѣстнаго вала Траянова, по сосѣд-

ству съ Бессарабской и Подольской губ. Раскопки нѣкоторыхъ кургановъ (напр. въ окрестности Залѣцикъ, Збаража) показали еще разъ, что на Подолѣ несомнѣнно существовалъ повсемѣстный обычай трупосожиганія. На берегу р. Серета между прочимъ замѣчено подобіе дольмена, съ высѣченнымъ изображеніемъ лица на краю верхней плиты, съ сѣв.-восточной стороны; но изслѣдователь считаетъ это сооруженіе скорѣе языческимъ жертвенникомъ. Находки каменныхъ бабъ наводятъ его на размышленія объ этихъ загадочныхъ памятникахъ, которые по его мнѣнію, существовали еще у предшественниковъ Славянъ вообще на сѣверо-востокѣ ихъ теперешняго мѣста жительства, даже до Енисея. Изслѣдованія мѣста находенія болѣе извѣстной бабы на Бабьей горѣ, около Збаража, приводятъ его только къ заключенію, что тамъ было языческое кладбище съ трупосожиганіемъ; но независимо отъ этого изслѣдователь держится мнѣнія, что бабы служили олицетвореніями земли-кормилицы и производящей природы. Изъ важнѣйшихъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностей Киркоръ отмѣтилъ въ эту поѣздку громадное городище Крылось подъ Галичемъ, которое онъ принимаетъ за первѣйшее мѣсто поселенія въ этой мѣстности.

Послѣ этихъ многократныхъ экспедицій Киркора, на Галицкомъ Подолѣ не осталось, кажется, ни одного болѣе замѣчательнаго мѣста, которое бы не было извѣстно археологамъ, по крайней мѣрѣ мѣстнымъ, и насколько радостны такія завоеванія науки вообще, настолько-же грустно становится на душѣ, когда подумаешь, что для насъ въ предѣлахъ нашего отечества остается еще такъ много сдѣлать, чтобы стать наравнѣ съ нашими заграничными собратьями.

Безчисленныя поѣздки по Галиціи не ограничивались изученіемъ одной Подолы. Киркоромъ собрано также не мало матеріала и для другихъ областей этого края. Изъ этихъ матеріаловъ составилось обстоятельное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Покутье въ археологическомъ отношеніи“ ²⁷⁾. Подъ Покутьемъ разумѣется не вполне опредѣленная область между Карпатами и Днѣстромъ, населенная въ горахъ гуцулами (верхнее Покутье), сѣвернѣе — подгорянами (нижнее Покутье), сѣверо-западнѣе — бойками. Надо сказать, что этому краю довольно посчастливилось въ наукѣ. Если мы къ упомянутому сочиненію Киркора прибавимъ еще большую, недавно появившуюся въ 2-хъ томахъ этнографическую монографію Оскара Кольберга (*Pokucie, obraz etnograficzny*, Krak. 1882—1883), то получимъ довольно ясное представленіе о жизни этого края, прошедшей и настоящей. Изъ прежнихъ изслѣдователей Покутьемъ занимались: Бѣлевскій, Видманъ и друг. Отчетъ объ изслѣдованіи Киркора былъ данъ и нашей печатью („Изв.

²⁷⁾ Sprawozdania wydz. filolog. Ak. Umiejętn., Krak. 1876.

Имп. Арх. Общ. „, IX, 1, стр. 101, ст. г. Боричевского), поэтому я не буду на немъ останавливаться.

Не оставляя своего обычного метода популяризації науки, Киркоръ и въ послѣднее время писалъ отъ времени до времени въ журналахъ общедоступныя статьи по археологіи. Одна статья, на примѣръ, написанная по-чешски, относится къ 1881 г. и помѣщена въ очень интересномъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстномъ нашемъ этнографамъ изданіи Эдуарда Елинка: „Slovanský Sbornik“; она имѣетъ заглавіе: „Доисторическія могилы и гробницы въ Польшѣ, Литвѣ и на Руси“. Съ этою же цѣлью онъ прочелъ въ Краковскомъ техническо-промышленномъ музеѣ двѣ публичныя общедоступныя лекціи: „О важности и значеніи археологическихъ памятниковъ и о научномъ ихъ изслѣдованіи“²⁸⁾. Подобныя занятія, вѣроятно, давали ему и нѣкоторую матеріальную поддержку, въ которой онъ нуждался, такъ какъ положеніе его становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Хлопотливыя занятія, какъ поѣздки и раскопки, дѣлались все болѣе утомительными для старика, здоровье стало измѣняться; пособіе, выдаваемое отъ Академіи, было слишкомъ недостаточно, а на доходное мѣсто рассчитывать было нечего; между тѣмъ надо было жить на что-нибудь, а кромѣ того надо было наполнить чѣмъ-нибудь тѣ свободныя часы, число которыхъ все увеличивалось и которые онъ такъ не привыкъ проводить праздно. Грустно бываетъ положеніе старика, привыкшаго всю жизнь заниматься дѣломъ, когда онъ начинаетъ чувствовать, какъ постепенно все уходитъ изъ подъ его рукъ, и онъ старается хоть за что-нибудь ухватиться, чтобы хоть чѣмъ-нибудь наполнить остатокъ жизни; а еще грустнѣе такое положеніе, когда къ этому примѣшивается вопросъ о матеріальныхъ средствахъ.

Спасительную соломинку думалъ Киркоръ найти въ періодическомъ изданіи²⁹⁾. Матеріаль для него нашелся: мысль о новомъ журналѣ встрѣтила сочувствіе среди старинныхъ его друзей и сотрудниковъ, а также среди молодыхъ ученыхъ и литераторовъ, и въ распоряженіе Киркора поступило не мало даровыхъ статей по части археологіи, этнографіи, филологіи и педагогике. Наконецъ, въ 1884 г. онъ опубликовалъ объ изданіи „Краковскаго Портфёля“ (TeKa Krakowska), который какъ по названію, такъ и по своимъ задачамъ и содержанію былъ какъ-бы продолженіемъ „Виленскаго Портфёля“, его далекимъ отголоскомъ, раздавшимся почти 30 лѣтъ спустя. Доживая свои послѣдніе годы въ одиночествѣ, на чужбинѣ, Киркоръ съ какимъ-то трогательнымъ чув-

²⁸⁾ Я знакомъ съ 3-мъ исправленнымъ ихъ изданіемъ (Крак. 1883, въ одной брошюрѣ).

²⁹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ его жизни, а также некрологъ ем. въ петерб. газетѣ «Кгаж», № 47, стр. 3 и литер. отд. стр. 8; № 48 литер. отд., стр. 8 (1886); см. также поправку въ той же газетѣ за 1887 г., литерат. прилож. къ № 23, стр. 8.

ствомъ переносился мысленно въ мирные, тихіе уголки родной Литвы и Бѣлоруссіи и охотно посвящаль страницы своего изданія описанію историческихъ мѣстностей и другихъ памятниковъ Западнаго края. Это было для него единственною отрадою и поддержкою его нравственнаго существованія. Но и это утѣшеніе было непродолжительно. Вышло два тома „Портфёля“, а затѣмъ оказалось, что даже при даровыхъ статьяхъ нечѣмъ заплатить за печать и бумагу. Изданіе заглохло, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала замирать и горемычная жизнь его издателя. Еще въ іюлѣ 1884 г., въ одномъ частномъ письмѣ, писанномъ къ своему другу на родину, онъ жалуется на свое бѣдственное положеніе: „Плохо живется человѣку подъ старость,—говоритъ онъ,—заработокъ труденъ, надежнаго ничего нѣтъ, пособія отъ Академіи не хватаетъ и на поѣздки. Съ 1839 года ³⁰⁾ работаю безпрестанно для Литвы, я всёмъ для нея пожертвовалъ“... Здоровье все ухудшалось; къ болѣзни сердца прибавилось рожистое воспаленіе, которое перешло въ послѣднее время въ гангрену, такъ что ему нельзя было ни дома работать, ни выходить изъ дому. Въ январѣ 1886 г. онъ пишетъ тому же пріятелю: „Поймите, чтò за положеніе человѣка, у котораго нѣтъ никакихъ средствъ, никакого постояннаго дохода, а жить все-таки нужно. Доктора рѣшили, что у меня неизлѣчимая болѣзнь сердца и что каждую минуту я могу умереть. Однако смерть меня не пугаетъ: я достаточно жилъ. Что было въ моихъ силахъ и средствахъ, я сдѣлалъ, и могу съ чистою совѣстью признаться, что моя жизнь для Литвы не прошла даромъ“... Такимъ образомъ и въ послѣдніе дни жизни всё свои мысли, всё стремленія онъ обращалъ къ родному краю и уже почти на смертномъ одрѣ корректировалъ свой послѣдній трудъ по археологіи Вильны: „Bazylika Litewska“, вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ за нѣсколько дней до его смерти. Продолжительная болѣзнь исчерпала въ конецъ всё средства. Пришлось заложить вещи, рукописи, но наконецъ и закладывать было нечего, и оставалось только жить буквально на чужой счетъ и пользоваться бесплатнымъ лѣченіемъ знакомаго доктора, пока не наступила смерть ^{12/24} ноября 1886 г. Похороны совершились скромно въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ Академіи, краковскихъ профессоровъ и литераторовъ, безъ стеченія публики, безъ рѣчей. Единственнымъ наслѣдіемъ послѣ покойнаго остались его бумаги, не мало разныхъ коллекцій, картинъ, скульптурныхъ произведеній, гравюръ, портретовъ, миниатюръ и другихъ вещей, имѣющихъ историческое значеніе для Литвы, а также его собственный портретъ, писанный ма-

³⁰⁾ Въ предисл. ко 2 изд. книжки: «Przewodnik po Wilnie» (Вильно, 1880) онъ опредѣляетъ начало своей дѣятельности въ Вильнѣ 1834 годомъ. Вероятно, это годъ поступленія на службу, а 1839—годъ написанія первой научной статьи.

слиятыми красками. Все это Киркоръ завѣщалъ Краковскому народному музею.

Такъ отошелъ въ вѣчность неутомимый и энергичный работникъ на полѣ науки. Жизнь его еще разъ доказала намъ, какой тернистый путь и какая печальная кончина ожидаетъ нерѣдко людей, самоотверженно бросающихся на это неблагодарное поприще. И если при этихъ ежедневныхъ примѣрахъ, наводящихъ глубокую печаль и уныніе, все таки не изсякаетъ въ людяхъ стремленіе къ свѣту науки, то какъ сильна должна быть въ человѣкѣ та божественная искра, которая не даетъ ему погрязнуть въ мелочахъ обыденной, повседневной жизни и постоянно побуждаетъ его къ чему-то высшему! Чрезвычайно поучительна жизнь людей, подобныхъ Киркору. Они ищутъ не собственной славы, не личной выгоды, а общественной пользы, притомъ пользы духовной, а не матеріальной, хотя иногда, можетъ быть, нѣсколько иначе понимаютъ эту пользу, чѣмъ какъ этого хотѣлось бы другимъ. Они, правда, не пролагаютъ въ наукѣ новыхъ путей, не оставляютъ послѣ себя капитальныхъ произведеній, которыя бы служили свѣточами для потомковъ; но за то вся ихъ жизнь сама по себѣ представляетъ капитальный трудъ; это трудъ черный, но въ высшей степени полезный и необходимый, потому что на такомъ трудѣ зиждется послѣдующая наука. Дальнѣйшіе научные дѣятели большею частью забываютъ этихъ чернорабочихъ тружениковъ, или же, что еще печальнѣе, часто попрекаютъ ихъ, пользуясь плодами ихъ трудовъ, и не хотятъ простить имъ даже невольныхъ ошибокъ и увлеченій, отъ которыхъ никто не свободенъ и безъ которыхъ никакой трудъ невозможенъ. Киркору еще при жизни, какъ мы видѣли, пришлось претерпѣть не мало упрековъ, злостныхъ нападокъ и обвиненій съ разныхъ сторонъ, и изъ его жизни мы наглядно убѣждаемся, до какой степени трагично бываетъ положеніе ревностныхъ служителей науки и вообще людей мирнаго и серьезнаго труда въ тѣ бурные историческіе моменты, когда подъ вліяніемъ разныхъ политическихъ и иныхъ тенденцій разыграются общественныя страсти, и когда не быть ярымъ приверженцемъ той или другой партіи, значить, по мнѣнію большинства, быть преступникомъ, предателемъ. Такимъ людямъ остается одно утѣшеніе, одна слабая надежда, что когда-нибудь, хоть не скоро, хоть послѣ смерти ихъ поймутъ и оцѣнятъ безпристрастно. Но могутъ ли они быть въ томъ увѣрены? И какова будетъ эта оцѣнка: будутъ ли ихъ благословлять, или проклинать? Киркоръ допускалъ и послѣднее. Свои воспоминанія о Вильнѣ ³¹⁾ онъ заканчиваетъ такимъ трогательнымъ размышленіемъ: „Кто же остался

³¹⁾ Крај, 1884, № 3; дополненіе къ нимъ (неизвѣстнаго автора) см. тамъ же, №№ 7 и 8. Еще воспоминанія его печатались въ газ. «Dziennik Poznański» (1885)

въ Вильнѣ и вообще въ Литвѣ?“—спрашиваетъ онъ себя послѣ перечисленія болѣе выдающихся дѣятелей изъ его прежняго кружка, умершихъ раньше его. „Изъ давнишнихъ дѣятелей не осталось тамъ ни одного... Подростаетъ молодое поколѣніе, учится кое-чему. Въ людяхъ способныхъ недостатка никогда не было въ Литвѣ, а слѣдовательно, найдутся такіе, которые будутъ пробовать свои силы. Это будутъ люди новые, возродившіеся; начнутъ, навѣрно, осужденіемъ и униженіемъ насъ стариковъ, пойдутъ по новымъ путямъ, но все-таки будутъ работать. Пошли имъ Богъ счастья!“.

Такъ можетъ говорить только тотъ, для кого интересы науки и благо своей родины дороже всякихъ другихъ благъ.

B0000002483045